Учеба и жизнь в Харькове
Как я жил и учился в Харькове
/воспоминания болгарского студента/
Болгарский студент в Харькове
/воспоминания/

Так получилось в моей жизни, что связалась она с Харьковым. В 1952-ом году, когда мне было 18 лет, я приехал в Харьков учиться на Харьковском горном институте. Теперь этого института уже нет, но тогда он был одним из важных ВУЗ`ов бывшего СССР и Украины подготовки инженеров для развития угольной и горно-рудной добывающей промышленности.

В том году мы приехали группа около 70 молодых болгар учится в разных институтах Харькова. Тогда в городе было 24 ВУЗ`ов – столько было их во всей Болгарии. Некоторые из болгарских ВУЗ`ов были совсем новыми, только начинали формировать свой научно-преподавательский персонал. Софийский горный университет, например, основан в 1953 году.

В том 1952-ом году из Болгарии приехали учиться в разных городах СССР около 300 человек молодых болгар. Нас распределяли по городам и ВУЗ`ам в Москве. Почты у каждого из нас была надежда попасть учиться в Москве или Ленинграде. Я был направлен в Харьков и, как оказалось позже, сожалеть об этом небыло оснований – уровень высшего образования в ВУЗ`ах города был достаточно высоким для получения необходимых для того времени научных и практических знаний.

С чувством гордости могу припомнить всем украинским друзьям, что город Харьков связан с жизню и деятельностю некоторых именитых болгар. Здес в университете профессором работал Марин Дринов /р. 1838 г./ – историк, филолог, основоположник болгарской историографии, первый председатель в 1869 году Болгарского книжовного общества, переросшего позже в Болгарскую академию наук. После активного участия в строительстве нового болгарского государства, возникшего из пепла пятисотлетнего турецкого ига в результате русско-турецкой освободительной войны 1877 – 1878 года /участвовал он в составлении новой Тырновской конституции, был депутатом Великого национального собрания где предложил город Софию стать столицей страны, был министром просвещения/ в 1881 году он возвращается в Харьков где живет и работает до своей кончины в 1906 году. В 1898 году он избран член-корреспондентом Имперской Санктпетербургской Академии наук

В Харькове живет и работает видный социалдемократ Крыстьо Раковски /известен в России и на Украине как Христиан Георгиевич Раковский/ - первый министр-председатель украинского советского правительства с 1919 по 1923 год, когда Харьков был столицей Украины.

Так получилось исторически, что украинские земли стали второй родиной сотнитысячам болгарских беглецов из своих родных мест, которые искали спасения от турецких зверств в первой половине девятнадцатого века.

Когда осенью 1952 года мы ехали в Харьков не знали что нас ожидает, что представляет из себя сам город? В най-общих чертах мы знали, что во время войны фронт переходил через город четыре раза, что был разрушен на 70 – 80 процентов. К нашей радости, хотя было прошло только 7 – 8 лет после окончания этой свирепой войны, город оказался почти восстановленным. В центре города, где мы чаще бывали, не было видно следов разрушений. Работали ВУЗ`ы, общежития, кина, театры, библиотеки, парки, площады, стадионы, закусочные, кафе, транспорт, было центральное теплоснабжение и газификация домов.

Нас поселили в студенческие общежития ВУЗ`ов, а конкретно нашу горняцкую группу - в общежитие политехнического института „Гигант“ на Пушкинской улице /общежитие горного тогда еще строилось по соседству с самим институтом/.

Надо сказать, что в эти годы в разных городах Советского союза учились многочисленные группы иностранных студентов из так называемых „стран народной демократии“. Наше болгарское „землячество“ в Харькове в годы моего обучения насчитывало 80 – 110 студентов. Подобные были и земляческие группы студентов других соцстран – Румынии, Чехословакии, Польши, Венгрии. Мы получали стипендию, которая состоялась из двух частей: одна треть суммы давала родина студента и около двух третьей – советская страна. После этой воины, после этих жертв и разрушении принять, бесплатно обучать и даже кормить сотни, а может быть и тысячи граждан других - верно уже дружеских – стран нельзя не оценить как великая жертва великого советского народа!

Сегодня после сталько лет, уже в новой политической ситуации, можно по разному оценить все это. Советский союз платил /в тогдашних понятиях „помагал“!/ новым друзьям для создания, расширения и укрепления формировавшейся новой социалистической системы. Да, это было необходимо, советский народ не мог оставатся сам на мировой исторической арене! Да, наверно это было так, такие были реалии того времени, но это не отменяет тот факт, что это была великая жертва советских, в том числе и обыкновенных украинских людей, среди которых мы жили, которые за нас платили!! Хотя мы были в это время одни из просвещенных молодых людей наших стран об этих аспектах „большой политики“ мы вообще не думали – для нас, воодушевленные светлыми идеями нового общества – социализма, было важно учиться, изучать науки, учиться у нашего старшего брата – советского народа в строительстве нового общества.

В те первые, начальные годы по пути социализма идеи о нем как о новом обществе, обществе трудящихся людей, все более овладевали сознание большинства болгарских граждан. Конечно, это в още более высокой степени относилось к молодежи. И положительные практические шаги реализации политики государства в этом социалистическом направлении – развитие индустрии, селского хозяйства, образования и культуры - создавали условия для укрепления в сознании людей этих новых идей, надежд на лучшую жизнь. Болгария избежала больших разрушений во время второй мировой войны – фронт военных действий на ее территории не проходил, находясь в состоянии войны с Англией и США ее бомбили с неба и десятки из ее городов и сел пострадали от этих бомбежек /найбольшие разрушения были в столице Софии - было разрушено около 13-ти тысяч зданий/. Но хотя и так Болгария после войны была одна из беднейших стран Европы. Стремления к новой жизни, пример Советского союза стали той почвой, на которой росли и укреплялись вера и убеждения в социализме, как тот путь развития, который именно необходим стране, народу.

Мне хочется вспомнить и рассказать о том, как учились и жили мы-студенты в те уже далекие годы – ведь прошло больше полвека с того времени. А то было особое, бурное время для советского общества, время больших перемен, затронувших жизнь всех членов общества. Конечно мои вспоминания связаны прежде всего с учебой в Харьковском горном институте, но мы жили неизолированно от других студентов, от других жителей города.

Учеба в горном институте проводилась на высоком уровне. Преподавателями были профессора и доценты. Материальная база была новой – как само здание института, так и его учебные залы, лаборатории, библиотека, актовый зал.

Чудесным преподавателем и большим оригиналом был доцент физики Шингарев Л.И. – годов около 50-и, с атлетической фигурой, чаще с торчащими волосами. Он читал свои лекции спокойно, ясно, отчетливо, немногими словами выяснял сущность явлений, легко было вести записки. У него экзамены кончались после полуночи. Он закрывал глаза на то, что некоторые студенты входили в зал экзамена с записками его лекций. Очень легко он понимал насколько студент вник в сущность физических явлений и задавая 1 - 2 дополнительных вопросов устанавливал реальные знания студента.

Однажды, при одной консультации, каких доц. Шингарев проводил перед екзаменами, на столе у окна стояла бутылка с водой. Яркое солнце обогревало свободно ее. Он позвал одного студента и попросил его ощупать бутылку. Студент заявил, что теплее сторона обратная обогреваемой солнцем. „Объясните, почему это так!“- сказал доцент. Студент пустился в объяснения как солнечный луч, переходя через воду отдает свое тепло задней стенки бутылки. Шингарев, неудовлетворенный этим ответом, позвал другого студента, который ощупал бутылку, осмотрел ее подозрительным взглядом и вдруг, неожиданно для всех сказал: „Да какой-то дурак перевернул бутылку!“ Все мы и Шингарев, который видимо задумал этот „эксперимент“, залились смехом, а он похвалил студента.

Он был большим любителем футбола и бывал на все матчи нашей институтской команды во время чемпионата на первенство города среди ВУЗ`ов. Наша команда играла в группе „А“, включающей 12 команд и обычно занимала место по середине классации. Пробиться выше было очень трудно – было несколько очень сильных команд потому что ректора этих институтов специально приглашали и принимали в студенты ребята, занимавшиеся футболом.

Я был постоянным участником в составе нашей команды. Играл под №5 и так как и в учебе у меня были одни пятерки, вышло прозвище /говорили, что с участием Шингарева/“пятеркин“.

Весьма симпатичным человеком и преподавателем был профессор Весельман. Ему было быть может за 60 лет, он преподавал теплотехнику. На его лекции всегда было полно студентов.

Очень часто он обрывал лекцию сказав: „А теперь отдохнем!“ И задавал какой-то вопрос, возбуждая этим интерес у всех. Например, знаем ли мы почему женщины ходят на высоких каблуках? Как появилась эта мода? Знал много подробностей из истории царской России и особенно из жизни царских семьей. Однажды рассказал об одном царевиче, который видно было, что часто был выпившим, но неясно было как он это делает, ибо о нем следили и было распорежено, что он не должен пить! Оказалось, что мастер-стекольщик сделал ему так сказать „бутылку“ с профилем лунного месяца, которую он запихивал в сапог мимо ноги, и порой выпивал. Другой царевич страдал хемофилией и была опасность для его жизни при ранении и т.д.

Математику преподавал доцент Чернушенко – беловласый, спокойный старичок, который с любовью работал мелом у черной доски, выписывая красиво математические знаки, символы, формулы. Иногда к нему отправляли – чаще девушки – вопросы или заметки что что-то неясно, непонятно – он улыбался и произносил: „Люблю критику“ и объяснял в чем дело. Когда преподавал о натуральном логарифме, его основа – число „е“- и выписал формулу чему равно число „е“, он торжественно заключил, что эта формула достойна быть поставленна в рамке для красоты на любой стене в комнате ибо в этой формуле есть все: число „е“, любое число „к“, четное число „2“, число „пи“, корень, степень, знак „минус“ и т.д.

На первом курсе не оставалось никакого другого времени, кроме того для уроков. Особо много времени отнимала начертательная геометрия – через день-два были домашные задания чертить цветными тушьями различные эпюры. Это отнимало много времени. А и по другим предметам надо было читать, решать задачи. Обычно ложились спать около 12-ти или часу ночи!

Хочу высказать свое мнение, что, хотя материя начерталки была мне понятной /а многим студентам оставалась непонятной/, в моей инженерной практике, хотя я работал и проектантом и приходилось непрерывно чертить, знания и умения по начертательной геометрии не приносили почты никакой практической пользы. Уверен, что не стоит столько времени удалять этой дисциплине при обучении студентов.

В то время особено привлекательным для нас - болгарских студентов /а может быть и для других!/ - было кино. Дело в том, что почти все фильмы начинались текстом: „Этот фильм был взят в качестве трофея при разгроме фашисткой Германии в месяце мае 1945 года“. Были всякие фильмы: серии Тарзана, Зоро, играла Зара Леандр и другие фильмы, каких у нас в Болгарии уже не прожектировались. Большое впечатление произвел попозже и фильм Лолиты Торес „Возраст любви“. Некоторые из наших ребят не смогли устоять этим интересным фильмам и после того как получили на первом семестре тройки, были предупреждены о возможном возврате в Болгарии.

Чаще всего эти фильмы мы смотрели в кино парка имени „Горького“. Надо сказать что парк для нас был одно из привлекательных мест. Зимой там устраивали каток, в остальные сезоны – естрадные представления, праздники с илюминациями и фойерверками. Не говорю о том, что просто было приятно прогуливаться с друзями, с девушками!

В те годы /не знаю как сейчас?/ в институтах, кроме университета, обучение проводилось на русском языке. Украинскую речь слушали по радиопередачам. В городе можно было говорить на обеих языках. Вообще можно сказать что в области культурной жизни не чувствовалась разница в общении между людми. В Харькове часто бывали киевские юмористы Щепсель и Тарапунька – первый говорил по русски, а второй – по украински! И у них получалось очень удачно и забавно.

Культурная жизнь в Харькове была очень богатой. Чаще мы бывали в театре русской драмы, реже ходили в оперу и в театр музыкальной комедии. Аркадий Райкин гостил в город несколько раз за годы моего студенчества и кажется я с друзьями не пропустил ни одного его спектакля!

Можно твердить, что неотделимой частью культурной жизни студентов были вечера отдыха и забавы, которые проводились в выходные дни во всех институтах. Горный институт, имея чудесный актовый зал и широкие фоайе для танцев, не уступал в этом отношении другим вузам. В литературно-художественной программе этих вечеров всегда гостили артисты, музыканты и певцы таетров и филармонии города, литераторы делились впечатлениями, читали стихи, отрывки художественых произведений. Говорили и юмористы.

Третье марта – день национального празника Болгарии. В этот день 1878 года в небольшом городе на берегу Мраморного моря Сан-Стефано был подписан мирный договор между Россией и Турции чем закончилась война между ними и объявлялось создание нового государства –

державы „Болгария“. Она возрождалась после почти пятисот лет отсутствия от карты Европы. В связи с этим праздником болгарские студенты в вузах Харькова проводили празничные вечера в своих институтах.

Расскажу как проходил один из таких вечеров в горном институте.

Коротким словом открыл вечер, приветствовал публику и говорил о празнике представитель болгарских студентов. Нас поздравил и пожелал успехов представитель руководства вуза. Вечер начался чтением стихотворения „Хаджи Димитър“ болгарского поета-революционера и национального героя Христо Ботева, сам погибший во время Апрельского востания болгарского народа в 1876 году. Там есть такой стих:

Тот, кто пал в бою за свободу
не умирает: его жалеют
земля и небо, зверь и природа,
и певцы песни о нем поют...

Затем четверо наших ребят танцевали болгарские хоро – темпераментные танцы, которыми они овладели дома, в школах где учились.

С большим интересом было встречено исполнение музыкальной поэмы о болгарском студенте „Ленчо“ /как видно имя произходит от слово „лень“ – значит он не особенно старался в своей учебе!/. Ее написал за две ночи на русском языке один из наших студентов - Ангел Пушкаров. Исполнялась она на популярных в то время музыкальных мотивах. Нас было четыре исполнителей, двое сопровождали гитарами.

Длилась поема около получаса и слова стерлись с моей памяти. Может быть какое-то представление о ней дасть короткий стих, который где-то в памяти остался:

После вкусного обеда
по закону Архимеда
полагается поспать.

Как и все другие вечера и этот, посвященный национальному празднику Болгарии, продолжил и закончил танцами.

Потом нас приглашали исполнят эту поэму и на вечерах в других институтах.

Богатой была и спортивная жизнь города. Когда мы приехали в Харьков харьковская футбольная команда „Локомотив“ играла по классу „А“ Советского союза. Трудно было достать билеты, впервые мы столкнулись со спекулянтами перепродажей билетов. Для нас это было странно посколько в Болгарии так не делали. К сожалению „Локомотив“ выбыл из класса „А“, но мы посещали его матчи, играя он потом и по классу „Б“.

Должен поделиться, что я слежу за игрой харьковского „Металлиста“ и рад его успехам в матчах на кубок европейских чемпионов. Пусть харьковчане знают, что там в недалекой Болгарии за „Металлист“ есть один /а думаю, что не только один!/ болгарин, который его любит и болеет за его успехи.

Я был у телевизора вместе с харьковчанами, когда они освистывали команду Испании во время встеч европейского первенства 2012 года, когада она начинала применять - как я его называю - „антифутбол“ „а ла Барселона“ – подолгу разыгрывая мяч как на тренировке, что убивает всякую красоту этой чудесной игры.

Продолжая тему о футболе, я поделюсь вспоминаниями, что футбольная жизнь города не уступала культурной – было первенство города среди клубных команд, среди команд трудовых коллективов, как уже сказал – и первенство среди вузов, неформально в футбол играли во дворах, на разных площадках и т.д. Для тренировок имелись чудесные условия. Мы горняки тренировались на спортивной базе харьковского клуба „Динамо“. Зимой там пользовали закрытые залы с хорошим отоплением, раздевалками, душевыми.

Однажды, возвращаясь со стадиона после футбольной тренировки в богато снежный, но тихий зимный день, хорошо запарившись в бане, на улице прохожий человек вдруг мне сказал: „Молодой человек, отморозите уши!“ Оказалось, что я, перегретый после бани, не почувствовал потребности спустить наушники ушанки. Не чуя слишком нискую температуру воздуха я шел по улице и мои уши в нижней мягкой части начали белеть. Я поблагодарил человека и закрыл уши – без его предостережения мое опущение могло иметь сериозные последствия.

Интересной для меня оказалась и система популяризации и развития бокса главно тем, что регулярно проводился в дни отдыха „открытый ринг“, где внимательно составляя пары, организаторы не допускали состязаться ребята с большой разницей в боксерской квалификации. Особенно внимательно подходили, когда на ринг выходили новички.

Чтобы поддерживать хорошую спортивную форму в одном из зимних сезонов я записался в боксовую секцию „Динамо“. Оказалось, что там уже тренируется мой состудент Боря Преображенский – староста нашей группы, сын известного профессора в области обогащения Преображенского. Больше всего мы как новички набивали удары в боксовые мешки и груши. При одной из тренировок тренер позвал нас с Борей на ринг и пригласил боксироваться. Как проходил наш „бой“ я в подробности не помню, вспоминаю только, что в како-то момент заметил, что Боря открылся и я нанес ему удар, но сам получил в тот момент плотный удар. Тренер тут же сказал: „Ей-ей, ребята, полегче“! Резултатом этой тренировки было то, что на следующий день мы появились в институт с легкими синяками под глазами. Посматривали мельком на нас с интересом, особенно девушки, тихо коментировали, пока не выяснилось в чем дело.

С большим интересом проходил и студенческий чемпионат города по настольному тенису. Уровень игры студентов вузовских команд часто вызывал восхищение исполнением сложных и красивых прийомов. В нашем горном институте мы играли в настольный тенис, но сильных играков небыло, своей команды не имели.

В связи с футболом большим моим приятелем стал румын Георге Фачиу – жизнерадостный, приветливый и отзывчивый молодой человек. Играл футбол за юношескую сборную Румынии. Были у него хорошие футбольные и атлетические качества – быстрота, сильный удар, точный и премеренный пас. Наш тренер, который был и тренером в „Динамо“-Харьков, назначил его центральным нападателем команды нашего горного института, а через год уже Георге играл на этом же посту за команду „Динамо“ на первенство клубных команд города. Я тоже играл за клуб „Динамо“, но в команде „Б“.

Забегу полтора десятка лет наперед когда я встретился с Жорой /так мы называли Георге/ в Бухаресте. Я тогда участвовал в состав болгарской молодежной делегации, которая следовала поездом в Киев на болгаро-украинский молодежный фестиваль дружбы. До отправки поезда в Киев было несколько часов и мы с Жорой сели в кафе, разговаривали, выпили. Он был в каком-то подавленном настроении, говорил мало, выпил побольше. Ему произвело впечатление наше активное отношение к советской – в случае – с украинской молодежью. В те годы румынский лидер Н. Чаушеску имел негативное отношение к Советскому союзу, а это перенеслось и к тем, кто окончил высшее образование в союзе, мешало их кадровому развитию. Он не высказал это прямо, но весь разговор показывал, что это причина его несвойственного ему поведения.

Посколько зашла речь об этом фестивале хочется рассказать коротко о нем. В исполнении программы фестиваля состоялись разные встечи и мероприятия. Одно из них, с которым я был связан, был семинар по вопросам участия молодежи наших стран в ускорении технического прогресса. В эти годы все яснее становилась необходимость для всех социалистических стран развивать свои экономики интензивным путем, путем внедрения достижений науки, ускорения технологического усовершенствования производства. У нас в Болгарии была найдена интересная форма участия молодых людей в этом деле – зародилось и развивалось так называемое „Движение за техническое и научное творчество молодежи“ /ТНТМ/. На семинаре мы рассказали о нашей практике /в качестве директора Республиканского центра ТНТМ я прочел доклад на эту тему/ и это было интересно для наших украинских друзей.

В рамках фестиваля наша делегация была приглашена посетить футбольную встречу киевского „Динамо“ на первенство Союза. Нам предложили составить примерно тройку, нечто вроде комисии, которая бы оценила игроков и высказала наше мнение о лучшем игроке „Динамо“ в матче. Рядом с нами /я был одним из участников и вроде старшим в этой тройке/ сидели двое хозяев из „Динамо“ и любезно подавали нам информацию о команде, об играках и т.д. Тогда за команду „Динамо“ играл молодой парень – думается левый полузащитник, который /имя его я твердо не могу вспомнить, но думается, что это был Виктор Колотов/ привлекал своей игрой все большее внимание любителей и специалистов, и наши хозяева старались направить наше внимание именно к его игре. Ход встечи однако был другим – в первом тайме правый крайний Олег Блохин – тогда только 18 - 19-ти летний, забил два гола, а после перерыва ассистировал для третьего и сам забил еще мяч! Мы высказывали свое мнение

об игре Блохина и поделились с хозяевами, что мы клоним к Блохину. Мач еще продолжался и к нашему удивлению Блохин был выведен из игры.

Когда встреча закончилась нас спросили о нашем мнении и мы назвали имя Блохина. Нам возразили, что, мол, он не играл весь матч, но мы настояли на своем и по громкоговорителям было объявлено мнение болгарских гостей о Блохине, как о лучшем игроке матча!

Вспоминая об этом, я и сейчас испытываю удовлетворение, что мы чем-то содействовали развитию этого знаменитого украинского спортсмена, который только 4 года после этого случая стал носителем золотого мяча Европы.

На третьем курсе начали изучать науку физикохимию. Она раскрывала нам новые аспекты знаний в области физических и химических природных явлений и процессов. Я полюбил эту науку и справлялся успешно с учебным материалом. Преподаватель физикохимии доцент Майер предложил мне по линии студенческого научного общества подготовить и прочитать доклад перед студентами. Это мне понравилось и я принял. Уточнили тему: „Луминисцентное свечение минералов“ /здесь добавлю, что мы изучали и науку о минералах – „минералогию“/.

Начал посещать библиотеку „Госпрома“, которая в то время была одна из найбольших в Советском союзе. Можно было получать любую, желаемую мной научную литературу. Условия для самостоятельной работы были идеальными. Тогда в полном уединении и тишине в зале впервые испытал какое-то новое чувство, новое физическое ощущение – чувство научного исследования, вхождения в незнакомый мир природы.

В лаборатории физикохимии института провели и практическое исследование луминисцентного свечения минералов. Я написал доклад, доцент Майер одобрил его и я прочел его перед своими коллегами – состудентами. Была и демонстрация реального свечения некоторых минералов. Получился интересный разговор после всего этого.

На пятом курсе снова предложили мне провести исследование по линии студенческого научного общества. Тема была связана с реальной практикой обогащения углей: „Флотация каменноугольной пыли с применением газойлевого контакта“.

Известно, что при подземной добыче каменных углей при помощи горных комбайнов, получается большое количество мелкого, даже пылеобразного угля. Его использование тогда было реальной практической проблемой. Необходимо было искать методы удаления засоряющих угля негорючих примесей. Газойлевый контакт – продукт, получаемый при рафинерии нефти – выступал в роли реагента флотационного процесса. Моя задача была дать теоретические основания предлагаемого обогатительного процесса, но наряду с этим разработать конкретно и самую технологию процесса – оборудование, режим, дозировки, времевые характеристики отдельных операции процесса и т.д. На кафедре „Обогащения...“ обсудили доклад, произошла живейшая дискуссия, в заключении которой доклад /который был написан вручную мною с начала до конца в обыкновенной тетради/ был принят для участия в общегородском конкурсе студенческих научных разработок.

Я был уже в Болгарии когда мой приятель-состудент Ангел Пушкаров принес номер газеты „Социалистична харькивщина“, в котором было опубликовано сообщение о результатах конкурса и к моей радости мой доклад занял первое место среди докладов студентов 24-х вузов города!

И теперь я считаю это исследование и написанный мною доклад как одно из высоких достижений в моей жизни, в моей научно-исследовательской деятельности /при том достигнутых еще на первых шагах моей жизни в науке!/.

Хочется рассказать об одной немножко особенной стороне нашего высшего образования – о военном обучении на так называемой „кафедре 22“. Так называлась подобная кафедра и в вузах Болгарии!

Все офицеры, которые вели наши занятия, были полковниками, пенсионированными с армии. Все они участвовали как действующие офицеры во время войны. Мы были артиллеристами и нас учили стрелять с закрытой огневой позиции или с открытой прямой наводкой в цель. В артиллерийской стрельбе имеют место геометрия и математика и задачи, которые мы решали, были интересными.

После решения каждой задачи, то есть после подготовки исходных данных для открытия стрельбы, полковник вызывал один из нас подать команду для стрельбы по соответной цели. При этом надо было командовать полным горлом, громовым голосом – это сам преподаватель демонстрировал нам с удовольствием и в этих случаях учебный зал и коридоры гремели его

голосом. Если разведка гаубичной батареи открыла и подала данные о местонахождении стрелящего пулемета противника и командный пункт подготовил данные для стрельбы, следовало командиру батареи подать команду: „По пулемету, осколочной, заряд третий /или другой/, прицел двадцать, в лево десят, огонь!“ А при открытом бою: „По танку, бронебойной, прямой наводкой, прицел пять, огонь“!

Полковник был недоволен если команда произносилась слабым голосом – он заставлял студента повторить и даже потретить подачу команды.

По специальности „обогащение полезных ископаемых“ учились мы пятеро болгар, в том числе две девушки. Мой однокомнатник на все пять лет учебы был Христо Цанев – рабфаковец /у нас в Болгарии в те годы тоже была такая институция/, на несколько лет старше меня и других ребят. Учиться ему было труднее, трудно ему отдавалось и усвоение русского языка. Он был исключительно почтенний человек. Часто к нему обращались состуденты занять им до „степухи“ немного денег /у всех советских студентов стипендии были небольшими – только на старших курсах отличники получали уже 600 рублей; при том все ребята нашей группы были без отцов – все они погибли по фронтам войны!/. И Христо почти никогда им не отказывал.

Однажды в комнату к нам пришел состудент и спросил Христо может ли занять ему несколько рублей и он сказал ему обождать немножко. Христо начал рыться в тумбочку и класть в кучку разные монеты и несколько однорублевые банкноты. „Христо, - обратился к нему студент – нет у тебя других денег?“ Оказалось, что это последние его денги, но он был готов дать их, услужить!

Наша учеба, кроме теоритичное изучение научных дисциплин – основа нашей специальности, была связана и с разными практическими занятиями. Интересными были практические эксперименты и опыты, которые мы делали в лабораториях института. Однако основное практическое значение для нас имели практики в действующих производственых предприятиях. За годы учебы было три таких практик.

После первого курса наша практика была в украинском городке Никитовке. Обогащение угля проводилось при помощи пневматичной технологии. В практике обогащения это сравнительно редко применяемая технология – она пользует бесплатный природный ресурс – воздух, в чем ее достоинство. В нашем случае однако проблемой было то, что во воздуховодах имелись маленкие дырочки и атмосфера в помещениях была сильно загрязненной. Выходили из фабрики после работы черные как негры. Когда вернулись в Харьков и девушки спрашивали Христо /они часто с ним заигрывали в разговорах!/ как было на практике он отвечал: „О-оо, ми там били, но много там пили, много пили!“ Он так и не научился произносить русское „ы“ /ери/ и просто произносил „и“. Приходилось девушкам уточнять так много ли нам приходилось выпивать и кого мы собствено били.

В Никитовке впервые мы видели так называемые „терриконы“ – гигантские конусы выгруженных из шахт угольных отходов и земных масс. Их высота достигала может быть 20 – 30 метров. Сегодня с экологичной точки зрения их существование является ненормальным, но тогда даже присутствовали в песнях.

После третьего курса я поехал на практику в коксохимический завод металлургического комбината в город Днепродзержинск. Не могу объяснить себе как это я был направлен тогда в этот завод один – со мной не было ни Христо, ни какой нибудь из русских или украинских студентов. Все таки я иностранец! Явно об этом должны были думать другие. Что касается меня - я об этом вообще не подумал и спокойно поехал – я уже так вжился в советском обществе что чувствовал себя как дома.

О самой практике в обогатительной фабрике коксохима не остались у меня какие-то особые впечатления и вспоминания. Явно деловая работа протекла как предусматривалось.

С города в северозапад начиналось большое водохранилище Днепродзержинской ВЕЦ. Металлургический комбинат был богатым предприятием, он имел свои лодки – катеры и другие виды – на которых можно было плавать до различных объектов на берегах и островах водохранилища: дома отдыха, пионерские лагеря, зеленые места для прогулок, пикников и т.д. В одном из дней отдыха хозяева пригласили нас – нескольких студентов на практике – на катере прогуляться по реке. Побывали в дом отдыха, встетились с пионерами – можно сказать провели один чудесный день.

Могу поделиться, что сам город не произвел на меня какое-нибудь особое впечатление. Хорошим местом для отдыха был остров рядом с городом, где были пляжи с чудесними песками и можно было загорать на солнце. В выходные дни там было полно людей.

Впечатлила меня одна особая „стройка“ в городе. Это был отдельный квартал города, огороженный здоровенной оградой из колючей проволки, по углам которой были вышки для охраны, на которых виднелись вооруженные охранники. Целый этот квартал жилых домов строили „стойбатовцы“ – так и не понял кто это были за заключенными – криминальные или люди с „прегрешениями“ с войны.

Окончилась практика и вечером, приехав поездом в Днепропетровск я пересел в поезд, ездивший через Харьков куда-то к Кузбассу. Я расположился на верхней полке, на полке надо мной положил свой чемодан. Когда поезд тронулся я полез рукой достать чемодан, но его на месте не оказалось. Вспомнилось, что минуты перед отходом поезда через вагон прошла какая-то шумная компания молодых ребят – явно они перетянули мой чемодан в другую от меня сторону /вагон был старой конструкции без купе/ и отнесли его. Кондуктор позвал начальника поезда, они связались телеграфом с вокзалом Днепропетровска.

В чемодане не было ничего ценного, нещастие было в том, что там находился мой паспорт, а предстояло мне ехать в Болгарию, что без паспорта невозможно! Пришлось побывать в Харькове 17 долгих дней пока посольство в Москве /посылал туда свою фотографию/ выдало мне какую-то бумагу - лист, на котором написано было, что тот-то, гражданин НРБ следует в Болгарию и все. Была поставлена и румынская виза. Начальник ОВИР`а сказал мне, что такого документа до сих пор не видал и если не румынская виза он выходную вряд ли бы выдал. Междувременно мой паспорт прибыл в Харьков, но наверно дождь его значительно попортил.

Известно, что в России всегда были дети, юноши на улице, безпризорные, главное дело которых была кража. Многие из сирот с войны стали детей улицы и кража была их естественное занятие. Мои старшие состуденты – рабфаковцы в дни первой зимы, что бы показаться, положили себе в карманы пальто свои перчатки из лицевой кожи так, что пальци слегка торчали наверх из кармана. И пошли гулять в город. Вернулись дома без перчаток!

Однажды, собираясь ехать в Болгарию перед летными каникулами, я вошел в магазин детских игрушек купить подарки детям моей сестры. Денги полученной стипендии были у меня в заднем кармане /в отличии от болгар мужчины в Советском союзе не случайно никогда не шют брюк с карманами сзади/. Вор заметил мой хотя и слегка выпуклый карман и когда я разсматривал слегка пригнувшись витрину с игрушками, почувствовал легкое прикасание сзади. Я резко повернулся, паренек мне улыбнулся. „Что тебе надо?“- сросил я. Он молчал. „Ну, что тебе надо?“- повторил я. „Да ясно что!“- ответил он. „Не связывайтесь с ними!“ – посоветовала меня какая-то женщина. Она знала, что если пойду на саморазправу, они отомстительные и это мне просто не обойдется.

Но раз пошел разговор об этих ребятах, как тогда „шпаной“ их называли, у меня был и более сериозный случай. После кино в парке им. „Горького“ я с девушкой пошли прогуливаться по алеям парка. Была полная яркая луна и мы зашли в неосвещенную электическими лампами алею. Не заходя долеко в лес парка к нам надстречу направились трое. Я свернул слегка в сторону, что бы избежать всречи, но они опять пошли к нам. Мы и они остановились. Один из них, явно старший, был покрупнее, двое - более молодые ребята. „Гуляем, да?“- спросил старший. „Гуляем, да!“ – ответил я. После краткой паузы он спросил: „Денги есть?“ К нещастью в этот день кто-то из ребят попросил меня занят ему денги до стипендии /а и мне самому были нужны/ и я снял со своего счета в сберкассу денги. Я помолчал /девушка в этот момент отошла в сторону/ и сказал: „Есть“. „Сколько?“- был следующий вопрос. „Полсотни“ – ответил я, а их у меня было больше. „Давай!“. Я опять промолчал. „Не даш, разденем тебя и девушку!“. Промелкнула мысль пустить боксовые удары – как раз до недавна тренировался в бокс – и бежать! Но тут-же отказался от этой мысли: может они не одни, а и что будет с девушкой, так просто ее бросить!?! Я как-то и в детстве не любил участвовать в уличных драках. „А ну ребята“- сказал старший пока я колебался и двое продвинулись за мной. Обстановка совсем усложнилась. В первый раз я сожалел о том, что научился говорить хорошо по русски и они не узнали у меня иностранца, что мне казалось будет выходом из ситуации, в которой попали с моей спутницей. И я вдруг вытащил из кармана то что там было, подал ему и сказал: „Ну, на-на...!“ и выругался по болгарски /что-то вроде русским матом/! „Что, что такое?“- забормотал старший. Сверху был мой советский документ, который носил странное название „Вид на жительство для иностранца“. „Ето мой паспорт, я болгарин, студент, учусь здесь в Харькове“. Он повернулся лицом ко мне и сказал: „О-оо, парень! Гуляй себе свободно! Мы таких как тебе не трогаем!“ – и вернул мои бумаги. „И если кто-нибудь на тебя еще наскочить, свисни три раза и мы прийдем“ – добавили ребята.

Мы конечно не захотели воспользоваться их услугами и удалились из этой зоны парка.

Позже, вспоминая об этом случае, вспомнился мне рассказ Лва Шейнина из книги „Записки следователя“ „Часы Едуарда Ерио“. Явно шпана продолжала соблюдать давнишные традиции – беречь честь своей страны.

Пока дожидался своих документов с посольства в Москве с днепропетровской милиции ко мне приехал офицер, который расследовал мой случай. Я рассказал ему как все произошло, что было в чемодане – пиджак, записки с практики, мало денег и главное – паспорт! Взял кусочек с материала моих брюк и уехал. Что он сделал – не знаю, больше ни чем не дал о себе знать.

Самой полезной и богатой впечатлениями была третья практика летом в 1956 году после четвертого курса. Шесть суток ездили поездом с Харькова через Москву и Новосибирск в город Лениногорск /теперь Ридер – на имя своего основателя - Казахстан, Восточно-казахстанская область/. Она была связана с обогащением руд цветных металлов, что было важно для нас с Христо. Шесть суток без дела, было приятно и весело – отдохнули, пили чай, играли в карты, в домино.

Объектом практики был большой горно-обогатительный и металлургический комбинат, включающий рудники, обогатительную фабрику и два металлургических завода. На фабрике встретили все обогатительные технологии, которые изучали в институте. Было очень полезно.

Как-то в связи с этой практики задумался о следующем: мы студенты даже пальцем не шевельнули для того чтобы обезпечить себе билеты на поезд /я не знаю и кто их платил!/, поселиться в общежития в далеком городе где пользовали електричество, газ, библиотеки, консультации высококвалифицированных специалистов. За все это мы ничего не платили, даже наоборот – мы получали деньги-стипендию. Единствено платили свое питание, при том в заводских и студенческих столовых оно было очень дешевым.

С позиций сегодняшных рыночных принципов социалистический образ жизни абсолютно непонятен, он полный абсурд. Теоретики рыночной экономики здесь сразу воскликнут – поэтому он и пропал. Но я хочу этими рассуждениями подчеркнуть, что для студентов были созданы такие материальные условия, что они не имели забот о своем физическом существовании и от них требовалось лиш одно – учиться!

В Лениногорске нас предупредили не опаздывать вечером в городе – не давно имелись драки, при том с ножами, между русскими и чеченцами. Это чеченцы, выселенные Сталиным после войны. К нашей радости за время нашего перебывания в городе небыло никаких инцидентов, связанных с чеченцами, татарами и др.

Побывав на стадионе, где проводились встречи городского первенства по футболу, я случайно услышал болгарскую речь! Оказалось - это двое болгар, заброшенных неясно для меня какими судбами в этот далекий край. Они были жителями города, семейные. Позже прочел, что в центральном и восточном Казахстане к концу 20-ого века проживают 15 -20 тысяч болгар, потомки переселенных Сталиным крымских, бесарабских и таврических болгар за их „прегрешения“ во время войны. Один из них оказался капитаном команды одного из маталлургических заводов. Поняв, что я играю футбол, он пригласил меня на их тренировку, после чего я сыграл два матча за эту команду /защитил, думается, достойно имя Харькова и своего – болгарина, забив два гола!?/.

Жили мы – группа из 10 -12 человек харьковских студентов – в общежитии вместе с группой студентов Московкого института цветных металлов и золота. Было весело, вечером были танцы. Устраивались и другие забавления.

Одни из таких забавлений были именины какой-то девушки, москвички. Мой состудент, с которым мы с Христо жили в одной комнате, увлекался этой девушкой и оказался одним из организаторов этих именин. За день до именин я поделился с Христо, что у меня нет часть денег, которых я держал в чемодане под краватью. Христо сказал, что у него тоже самое. Не было никакого смысла поднимать этот вопрос куда бы нибыло, тем более, что отнятые у нас суммы были неособенно большими. Так на следующий день мы с Христо /а и не только мы!/ угощались на именинах и за наш собственный счет!

Одно из интересных мероприятий, в котором все участвовали, была туристская екскурсия до реки Уба, приток Иртыша, находящаяся в 11 - 12 километрах от Лениногорска. Уба буйная, мощная горная река, вода чистая, холодная. Долго шли, провели около ее берегов день, купались и поздно вечером вернулись – усталые, но удовлетворенные переходом, природой.

Мой Христо сильно сюрпризировал меня, заявив, что поедет с Лениногорска прямо домой, в Болгарию, при том не через Москву, а прямо через Среднюю Азию. Это показалось мне очень

рискованным делом, потому что означало ехать пересадками, пересечь или обогнуть Каспийское море и т.д. Он все таки осуществил свой план, но я так и не узнал как все там у него случилось.

На обратном пути мы несколько состудентов задержались на три дня в Москве. С трудом успели достать билеты на концерт Леонида Утесова в летнем театре. Концерт был чудесным. Вспомнили фильм „Веселые ребята“ /“Легко на сердце от песни веселой...“/, песни о Москве /“Расскажите-ж мне друзья, где-же улица моя...“/, был и модерный джаз /о кукле „Доли“ и др./. Я и теперь не понимаю, почему и после демократических перемен в бывшем СССР Леонид Утесов забыт, о нем никто не вспоминает. А думаю, что его джаз тянул советское общество вперед, он был всегда на шаг впереди других в официальной советской культуре.

Знакомиться с советской, с русской культурой, искусством и историей была одна из больших целей, которую мы – болгарские студенты, учащиеся в советской стране, преследовали все годы перебывания в ней. Еще на первом курсе в дни первых /зимних/ каникул наше землячество организовало екскурсию в Ленинград. За около 10-ти дней посетили „Ермитаж“, Третьяковскую галерею, Исакиевский собор, зимный дворец, рассмотрели архитектурные достопримечательности города – здания, памятники, улицы, каналы, мосты, Неву, крейсер „Аврора“ и др. В Исакиевском соборе смотрели как земля вертится около своей оси – при помощи гигантского маятника, висячего с потолка купола.

Дни в Ленинграде были исполнены для нас и другими забавлениями. Новое и очень странное было для нас ощущение времени. В январе дни очень короткие – с 9-ти до 3-х часов после обеда. Ночь была длинной и танцы в общежитии, где мы жили, начинались в 11-12 часов ночи – было достаточно времени и для танцев и для сна.

На следующий год такую екскурсию провели в Москву. Рассмотрели метро, Кремль, русский музей, Василий блажений, Большой и Малый театры, мавзолей Ленина /тогда и Сталина/, ГУМ и другие магазины - все не перечислить.

Не знаю почему и как Киев остался вне нашего внимания как объект туристского и культурно-исторического ознакомления. А надо припомнить, что он связан и с историей средновековой Болгарии.

Годы нашей учебы были бурными, судьбовными годами для советских народов. В 1953 году умер Сталин. В феврале 1956 года состоялся XX-ый съезд КПСС, который положил начало развенчания культа к Сталину, раскрыл факты, события, находящиеся в полном противоречии с основными идеями и принципами социализма.

В Харькове не произошло каких-либо особых событий после смерти Сталина. Установилось какое-то молчание, небыло шумных избликов траура. У меня как-то сформировалось убеждение что Сталин не любил Харькова и харьковчан. Ведь город два раза овладевали немцы! Почему они это допустили? Слушал рассказы о том, что Сталин бывал в Харькове ознакомиться с ходом восстановительных работ и когда ему показали новый железнодорожный вокзал, при строительстве которого были реализованы новые, модерные идеи, он выразил свое мнение тремя словами: „долго, дорого и дурно!“ Явно поэтому и харьковчане не показывали особой любви к нему!

XX-ый съезд КПСС потрес советское общество. В разных областях Союза явно поступали по-разному и не знаю как точно, но в Харькове вся общественность была ознакомлена с секретным докладом Н. Хрущова перед съездом. В нашем институте провелись открытие партсобрания по факультетам, на которых читался полный текст доклада. Окна актового зала были затемнены своими огромными плотными занавесами, была придана какая-то секретность, можно сказать – даже некую таинственность события.

Кроме собрания нашего горного факультета, я посетил еще одно собрание – хотел лучше услышать и запомнить все в докладе. Чтение длилось больше трех часов, тишина в зале была обсолютной. Два-три раза в зале слышалось „убийца“, „убийцы“ в адрес Сталина и его ближайших соратников.

И хорошо, что я поступил так. Оказалось, что других возможностей для последующего ознакомления с докладом вообще не существовало. Доклад не был никогда отпечатан в СССР вплоть до 1989 года.

Когда я вернулся дома летом 1956 года, в разговоре с моим зятем /мужем моей сестры/ Любомиром – полковником в Министерстве внутренних дел – установил, что он слишком бедно, частично знаком с докладом. Он продолжал гордиться тем, что он сталинист. Удивился

тому, что я ему рассказал. Оказалось, что этот доклад остался почти неизвестен для большей части болгарских коммунистов, не говоря о болгарском обществе. Знали, что вообще были репрессии и нарушения законности, но совсем другое дело своими ушами услышать о конкретных истезаниях, зверствах и убийствах видных, культурных и невинных людей. Приходилось /тем, которым особенно хотелось или тем, кто не любили коммунистов/ информироваться /что было небезопасно!/ у западных средств информации.

Получилось однако так, что мой зять Любчо оказался тоже затронутым сталинизмом. Его отец емигрировал в СССР как преследованний властями коммунист после событий в Болгарии 1923 – 1925 годов. Тогда Любчо было 2-3 года. Какова была жизнь и деятельность его отца в Советском союзе мы в подробностях не знаем, но стало известно, что в 1937 году, будучи военным в Грузии он репрессирован и погиб. После XX-ого съезда в Софию приехала его супруга – при перспективе, что ему в Болгарию невозможно вернутся, он женился на русской – и она встретилась с Любомиром. Он не поделился потом с нами о чем они говорили, но после это встречи стал более замкнутым и в разговорах на подобные темы не участвовал.

Многие факты о делах Сталина по отношению к болгарам говорят, что он имел особое отношение к ним, или просто сказать – он их не любил. Это мое мнение.

Вот послушайте: тысячи болгарских коммунистов-эмигрантов, искавших спасение в стране социализма от преследований властей Болгарии, погибло в Сибири и в застенках НКВД неведомо за что; гибель после самолетной катастрофы видного коммуниста Станке Димитрова – Марека, летавшего в Болгарию; смерть самого Георгия Димитрова после острой стычки со Сталиным в Барвихе, где Димитров лечился /скорее „полечили“/; напрерывный нажим, преследование и в конце концов умертвление сартника Ленина болгарина Християна Раковского – первого председателя правительства советской Украины; грубое отношение к Тройчо Костову – заместителю председателя правительства Болгарии, приведшее к процессу и репрессии к нему; безобразно грубое, властническое поведение советских „советников“ в Болгарии, которые имелись во всяком министерстве; преследование крымских, бесарабских и таврических болгар /многие из бесарабских болгар умирают с голода/, тысячи из них, депортированны в восточные окраины СССР; закрытие болгарской гимназии в Тараклии /теперь Тараклийский государственный университет „Григорий Цамблак“/ и превращение ее в обыкновенное русское училище; преследование татар в их выступлениях, что являются потомками болгар Камской Болгарии /о которой, кстати, нечего не говорится в учебниках по истории/; не говорится и не пишется о том, что авторы славянской азбуки Кирилл и Мефодий и люди по всему Союзу /как и все наши состуденты/ знали, что это алфавит, созданный русскими авторами, но не знали кто они; молодые люди, изучавшие историю, не знали ничего о таком болгарине каким был Киприан – митрополит Киевский, Литовский, Московский и всей России, канонизирован русской церквой светцом и чудотворцем, сыгравшим важную роль в обединении русских земель в конце 14-ого века и т.д.

После смерти Сталина и особенно после XX-ого съезда в Харькове, я бы сказал, наступила большая демократия. Общежитие политехнического института, в котором мы горняки жили в начале, вечером гремело модерной джазовой музыкой – много студентов купили радиолы или просто проигрыватели и запускали на всеослушание грампластинки иностранной музыки. Не знаю как и кем, но чаще распространялись пластинки фирмы „Амиго“. О фильмах в кино я уже сказал выше. Появились и политические анекдоты.

И все таки надо подчеркнуть, что разговоров на политических темах в советском обществе не велось. Их не было среди студентов, никогда не завелся такой разговор и в редких случаях когда я бывал в гостях у советских семейств. Видимо обвинения к тысячам во „врагов народа“ воздвигнули эту молчаливую и страховитую барьеру между людми. И у нас преследовали в те годы за политические анекдоты или нечаяно оборванное слово, но главно следили за представителями „бывших“ людей, не как в СССР, где опасность грозила и рядового, обыкновенного человека.

После пяти лет пришел конец нашей учебы. Я защитил свою дипломную работу на отлично и получил диплома „с отличием“ горного инженера-технолога. У меня по учебным предметам была только одна четверка при более сорока пятерок.

Доцент Хван предложил государственной комисии рекомендовать меня в аспирантуру, но оказалось, что она не имеет таких прав по отношению к иностранным студентам. А Болгария же тогда /а кажется и долго потом/ совсем не имела каких-нибудь правил или скажем политику проявлять заботу о молодых людях, показавших данные для дальнейшего развития в науке.

Не знаю почему, но в нашем институте не было никаких торжеств /или что нибудь подобное/ для вручения дипломов всех окончивших свое высшее образование. Думаю, что все таки стоит отмечать каким-то образом конец долгого пятилетнего труда людей - при том людей, которым предстоит войти в жизнь!

С девушками провожали на вокзале ребят, которые прямо отправлялись в армию, отбывать свой воинский срок, а я стал собираться ехать к себе в Болгарию.

одходя к концу моих воспоминаний, читатель вероятно чувствует, что в них есть что-то недосказаное, что в них почти отсуствует тема, которая имеет важное место в жизни молодых людей – это тема любви, тема отношений между парнями и девушками.

Хотя „любви все возрасти покорны“ можно сказать, что студенчество – это время любви. Ее самым серьезным результатом явилось заключение нескольких браков болгарских студентов с советскими девушками. Конечно есть и нещастье в любви. Был такой случай: девушка очень любила одного болгарина, но как нередко бывает - они расстались; она вышла замуж за другого болгарина, чтобы могла потом в Болгарии все таки встречать своего первого любимого.

Среди моих состудентов – болгар были ребята, которые очень нравились девушкам. Мой друг – румын Георге Фачиу тоже имел не одну поклонницу. На вечерах в институте он часто приходил с различными девушками, что было причиной для атвора поэмы „Ленчо“ А. Пушкарова упомянуть в ней на соответствующем месте имена всех его девушек /конечно не упоменая имени самого Жоры/! За это Жора страшно обиделся и перестал разговаривать со всеми болгарами института.

Мой друг Стоян, о котором пойдет речь и дальше, имел несколько встреч с Людмилой Гурченко когда она училась в университете кино в Москве, но проводила зимные калы в своем Харькове.

У Игната были черные густые волосы, глаза цвета черной черешни, характером он был жизнерадостный, духовитый парень. Он тоже имел большой успех среди девушек. В какое-то время у него была девушка Наташа – студентка харьковской филармонии. Ее инструмент был ксилофон, на котором она исполняла сложные музикальные произведения можно сказать при том - на высоком художественном уровне. Она выступала на вечерах нашего института, ее приглашали выступать и на вечера отдыха трудовых коллективов города.

Я был тоже с ней знаком и не удивился когда однажды Игнат и она пригласили меня поехать с ними на вечер какого-то заводского коллектива, где она была приглашена выступить. Это было где-то около Харьковского тракторного завода, т.е. далеко, в другом конце города. Мне было интересно все это, при том я любил слушать ее и мы отправились. Я помогал Игнату нести ксилофон – фактически мы по очереди несли его. Все на вечере прошло хорошо, но как потом мне выяснилось главная причина моего приглашения был ксилофон – Игнату явно много приходилось нести его, а на этот раз объект оказался слишком далеко! И они нашли во мне „добряка“ – ценителя искусства, который сыграл и эту маленкую роль!

На втором и третьм курсе у меня была добрая и хорошая подруга – харьковчанка, украинка Валентина. У нее были густые русые волосы, синие глаза. Сама она была красивой, но скромной, непретенциозной девушкой, имела активные интересы в области культуры, искусства. Бывали мы часто в кино, театры, на естрадные вечера и концерты, реже в оперу, танцевали на вечерах и перед началом фильмов в кино /были тогда в городе – не знаю как теперь – кинотеатры, в которых до начала фильма играла музыка и можно было танцевать/. Она справлялась довольно хорошо с изучаемым материалом, так что сравнительно редко приходилось разговаривать об этом. Я бывал у нее дома, приглашали меня на свадьбу ее старшей сестры. Мы целовались, но дальше этого наши отношения не уходили. Может я женился бы на Валентине, но как-то между нами произошла какая-то ссора и наши отношения постепенно прекратились.

Под конец пятого курса я с приятелем Стояном успели себе купить мотоциклы. Это были мотоциклы ИЖ-49, созданных на основе немецких моторов DKW. Еще с четвертого курса я копил понемного денег, а под конец мы продали на „толкучке“ все свои вещи /главным образом одежду, где основную роль сыграло мое кожанное зимнее пальто/. Надо еще добавить, что мы в действительности жили скромно, не курили, не поддались увлечениям алкоголем, ресторанами, веселыми компаниями. Разходы на книги, одежду, обувь делали у себя в Болгарии.

Для огромной советской страны производство этих мотоциклов было значительно под потребностями людей и спрос на них был огромным. Нас включили в списк длинной очереди

как студенты братских социалистических стран – „отличники учебы“. Последнее было верно и ему был дан ход как аргумент, который имел в тогдашней советской идеологии важное значение и не вызывал возражений. В самом деле он послужил для того, что мы фактически опередили в очереди сотни ожидавших свою покупку.

Хочется перед читателями этих моих воспоминаний поделиться от чистого сердца чувством благодарности ко всем харьковчанам – и горожанам, и институциям - за те внимание, заботу и толерантность, которые проявляли все эти годы к нам – болгарским студентам. Лично я снова отмечу: удостоение меня первым местом студенческих научных работ, толерантност шпанов за то что я болгарин, внимание преподавателей института, предостережение незнакомца не отморозить уши, гостеприимство семьей харьковчан когда мы бывали у них в гостях, предоставление возможности купить мотоцикл, предложение доцента Хвана рекомендовать меня в аспирантуру.

Заслуживали ли мы такое отношение? Мы сами ничего не делали на пользу Харькова, Украины! Я ставлю этот вопрос оставляя в сторону ответы, связанные с „большой политикой“. Речь идет об отношении людей, самих харьковчан к нам. Думаю, что мы, может быть, радовались такому отношению благодаря того, что наши деды и отцы не допустили болгарским профашистким властям объявить войну Советскому союзу, не позволили им послать ни одного болгарского солдата на советский фронт, а под конец войны болгары включились в войну против Германии и 30 тысяч их пали на фронтах в Югославии и Венгрии.

Почему в конце моих воспоминаний я упомянул о покупке мотоцикла. Потому что с ним связаны последние дни моего перебывания на Украине.

Перед тем как рассказать об этом хочется упомянуть маленкий эпизод, связанный с мотоциклом. На перекрестке на светофоре был красный свет, я ждал зеленого. Я не любил форсировать двигателя на старте, как часто делали любители привлечь внимание к себе, и когда зеленый свет появился я несколько неумело включил сцепление, мотоцикл слегка двинулся вперед, но двигатель потухнул. Я засуетился, принялся заводить двигателя, нажимая ногой на педаль и после нескольких нажимов успел завести, но светофор в этот момент переключил на красный свет и я остановился. На перекрестке влево от меня был грузовик, который в тот же момент тронулся вперед своим путем, а из открытого окошка высунулась голова ехавшего рядом с шофером и крикнула в мою сторону: „Телегу тебе!!“. Я не остался должником и ответил : „Катиииись!“

Всегда, когда вспомню об этом случае, меня охватывает веселое чувство, порожденное находчивостью, с которой этот человек только двумя словами охарактеризовал мое неумение.

И так – вернемся к последующим событиям.

Как-то одна из моих состуденток, в отношениях с которой между нами чувствовалась известная симпатия, сказала: „Почему вам со Стояном не приехать на ваших мотоциклах в Крым, в Гурзуф?“ Она почти каждый год проводила часть лета в этом курорте и теперь после окончания высшего образования собиралась с подругой опять поехать туда. И сегодня, когда пишу об этом, не могу понять как так легко с приятелем мы приняли решение осуществить это путешествие. В нем было много неизвестного, авантюристичного, был определенный риск, но мы явно об этом вообще не думали.

И вот мы решили: на мотоциклах едем в Гурзуф, от туда – в Одессу, где грузим их на поезд и после пересадки в Унгенах направляемся в Болгарию. Девушки уехали, а мы собрали свой багаж /два полупустых чемодана/ и отправили их поездом в Одессу.

И так почти без какого-то багажа мы выехали на автомобильную трассу Москва – Харьков – Симферополь. Было уже жаркое лето, предстояло нам проехать более 700 километров. Мотоциклы были новыми, неразработанными, нельзя было ехать со скоростью более 50 - 60 километров в час. Когда начало вечереть мы принялись осматривать где выбрать подходящее место для ночлега. На одном месте недалеко от дороги стояли кучи сена. В них и переночевали. Не помню где и как мы останавливались кушать, тоалироваться и т.д. Бензином заправлялись у шоферов грузовиков за небольшие деньги. В каком-то городе милиция нас остановила за то, что мы ездили со скоростью более разрешенных 40 километров в час и санкционировали, подменив наши талоны с белых на зеленые. Останавливали нас и перед Крымом, но там проверили только документы. Поздно, почти в полночь второго дня мы прибыли в центр Гурзуфа. Наши девушки, квартира которых была рядом, услышав гул моторов, прибежали к нам.

Со Стояном спали на кроватной пружине, которую девушки сняли со своей кровати. Дни проводили на пляже. Надо отметить что крымский берег на этом месте не имеет ничего общего с болгарскими пляжами – у нас большие пляжи с чудесным песком, а здесь нет песка ни на берегу, ни на дне моря – только мелкие или более крупные камни. Надо ступать очень внимательно, чтобы не поранить ноги.

В Гурзуфе побывали неделю, отдохнули, было приятно, беззаботно. Нигде не регистрировались, никто нами не заинтересовался /наверно и это было часть наступившей демократии!/. На мотоциклах ездили в Ялту, Алупку, Алушту. Радовались зеленой природе крымского побережья, видами бескрайного моря.

Но пришел конец и этой затеи. Расстались с девушками и принялись дорогой на Одессу.

Только начали въезжать гору „Ай-Петри“ на одном из поворотов офицер дорожной милиции остановил нас – Стоян, ездивший спереди, наступил осевую линию! Ему поменяли талон - уже с зеленого на красный - последная ступень талонов, после чего его отнимают и следуют какие-то санкции, учеба... Стоян попросил ощрафовать его не меняя талон, иначе, сказал он ему „так мы не доедем до Одессы!“ Ответ на это был совсем ободряющий: „Езжай спокойно! Этот талон гвардейский! Никто с этим талоном тебя не тронеть“! Хорошо, что до Одессы никто нас не останавливал, иначе не знаю что получилось бы.

Трасса „Крым – Одесса“ оказалась слабо обитаемой. Большая часть дороги – „грунтовая дорога“. Другая часть – булыжная мостовая. По ней было трудно ехать и поэтому предпочли ездить по параллельной грунтовой. Хорошо что небыло дождя – что мы бы делали тогда? Ночевали у какой-то тетушки в городе Новая Каховка. Здесь надо было пересечь Днепр дорогой по стене Каховского водохранилища. Не останавливаясь в Херсоне и Николаеве отправились прямо в Одессу. Снова за полтора-два дня проехали мы около 600 километров.

Выше я употребил слово „авантюристичной“ о нашей поездки в Крым. Я не помню был ли у нас хотя бы резиновый клей – если бы гвоздь пробил шину, что бы мы делали далеко километрами от всяких поселков /особенно по дороге на Одессу/? А что если что-нибудь случилось с техникой мотоциклов? Верно, они были совершенно новыми, но все таки – это была техника, механизмы, а как говорить болгарский шоп /особого характера болгары, живущие в селах около Софии/: „Если механизм – он все равно поломается“? /Это наш шоп говорил по поводу так называемых „экономических механизмов“, которые утверждались вместе с пятилетними планами/. Слава Богу, ничего такового с нами не случилось!

В Одессе у меня был состудент. Нашли его по адресу, который он мне дал еще в Харькове, и у него переночевали. На следующий день в камеру хранения одесского вокзала здорово удивились когда мы появились и потребовали наши чемоданы. Они не понимали что это за чемоданы, за которыми целыми днями никто не приходить их получить! Оказывается никто так не делал – даже если сдавали что-то в багаж его забирали с приездом.

Прогулялись по Одессу, купались даже в море на одесском пляже и через день простились с последним моим состудентом и погрузились /мы и мотоциклы/ в поезд Одесса – Черновцы. Когда на станции Унгены, где была наша пересадка на поезд Москва – София, мы принялись оформлять транспортировку мотоциклов оказалось, что надо было нам еще в харьковскй милиции получить специальные номера, которые выдавались в случаях вывоза. Мы этого не знали, но и здесь сработала явно „новая демократия“ /или симпатия к болгарам!?/ – таможники сняли номера, мы заплатили транспорт мотоциклов и на этом все благополучно кончилось!

Теперь, задумываясь об этом путешествии, задаю себе вопрос: как это так во все это время мы не имели встреч и проблем с милиционерскими властями? Тем более, что тогда езда на мотоциклах /и то в компании двух!/ , при том ИЖ-49, не было распространенное явление и не может быть что мы не произвели впечатления. Кроме двух остановок за нарушение правил движения, никто другой по дороге нас не остановил. В Гурзуфе мы пробыли более 48 часов, не регистрировались в милиции, а никто нами не поинтересовался. Расхаживались мотоциклами по побережию Крыма. Спали в Новой Каховке, ездили по плотине водохранилища – и ночлеги контролируются, а такие ответственные плотины охраняются. Переехали через большие города – Херсон, Николаев, Одессу – опять ничего. Сверх всего этого – мы иностранцы /до недавнего все они считались шпионами!/ в этой считавшейся до недавно полицейской державе, в которой чуть ли не каждый гражданин был контролирован НКВД, КГБ! Может быт причина всему этому известное демократизирование после XX-ого съезда КПСС? Оставляю это как вопрос для размышления!

Этим кончился важный период моей жизни – студенческие годы. Тогда часто говорили, а быт может говорят и теперь, что это найлучшие годы человеческой жизни! Это можно утверждать исходя из двух противоположных точек зрения. Из точки зрения мещанской – это годы веселой жизни, всреч и забавлений, не важны знания – важно получить диплом.

Другая точка зрения – понимание ответственной миссии жизни каждого молодого человека. Вот что говорить Генри Форд-старши об этом: „Каждая новая жизнь – это что-то новое под солнцем... Молодой человек... должен любить эту искру своей единственной индивидуальности, которая отличает его от других людей, и развивать ее всеми силами“.

Исходя из этой точки зрения о себе могу сказать следующее: учился хорошо, с увлечением и любовью к науке; по силе моей любознательности все что мы изучали было мне интересно, читал и готовился по всем дисциплинам и был оценен высокими оценками; главная цель – получение инженерной квалификации – была достигнута; можно было однако добыться болшего – упустил возможность получить высоких научных знаний в области физикохимии – науки, которую любил и имел настоящего ученого в качестве руководителя

Как я отвечаю на вопрос можно ли было добыться большего? Да, можно было! Харьков предоставлял все необходимые условия для этого: ученых, класные библиотеки, лаборатории для експериментов. Было и время для научных заниманий. Да, я написал два доклада по линии студенческого научного общества и они получили высокую оценку, но можно было больше! Что помешало?

Помешала недодуманная целенаправленность моей жизни, а отсюда - и организации использования свободного времени! Там было время для спорта, культуры, развлечений, но было и немало потерянного времени. Например – для игры в домино, но более того – для игры в карты. Во время последних курсов поздно вечером часто играли в „преферанс“. Хотя и небольшими сумами, но играли на деньги. Все таки это возбуждало определенные азартные чувства, напряжение, страсти, что не могло не отражаться негативно на целостную направленность личности игроков.

И так – можно заключить: результат хороший, но можно было значительно лучше

!

XXX

Цель этих воспоминаний рассказать – насколько это возможно „через глаза“ одного современника - о жизни студенчества Харькова в далекие годы середины прошлого двадцатого века. То было время, о котором вспоминать и рассказывать могут внукам уже не так много моих сверстников - собратьев по учебе и жизни. А было то время переломным для судьбы людей советских народов.

Рассказать об этом у меня небыло другой возможности как рассказать о себе, о своей жизни в мои студенческие годы, конечно и о всех тех, с которыми я встречался, учился, отдыхал, играл в футбол, радовался и грустил. Так получился этот рассказ, написанный автором от первого лица.

Писать от первого лица считается нелегкой задачей, но у меня небыло другого выхода. Думаю я удовлетворил требованию писать честно, показать события такими какими они были на самом деле.

Я буду глубоко удовлетворен, если, прочитав написанное мною, читатель хотя и частично почувствует дух того времени, узнает как жили его отцы, деды, чем волновались, к чему стремились.